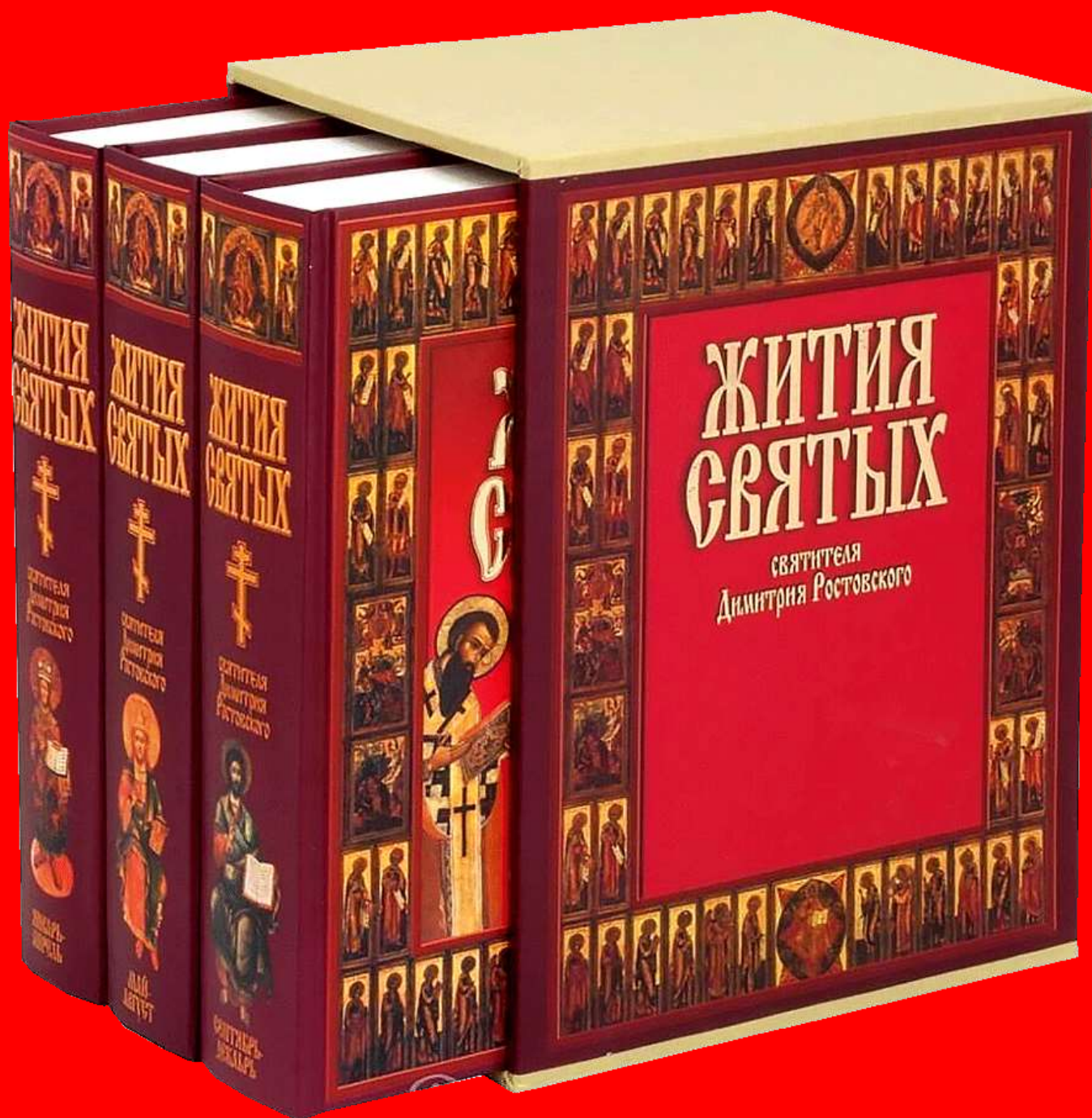

TEZĂUR LITURGIC
5 IULIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIATA
SF.CUVIOS
ATANASIE
ATHONITUL

MOSCOVA, 2016

Память 5 июля

Житие преподобного отца нашего Афанасия Афонского

Преподобного Афанасия¹, достойного бессмертных похвал к смертной человеческой жизни произвел город Трапезунт². В обучении книгам его возрастила Византия (Константинополь³), а обитель Кименская⁴ и гора Афонская⁵ принесли его как плод, угодный Богу. Родители Афанасия были люди благородные и благочестивые. Его отец происходил из Антиохии⁶, а мать из Колхиды⁷. Проживали же они в Трапезунде. Отец Афанасия умер еще до появления последнего на свет, а мать, родивши Афанасия и возродивши его святым крещением, отошла к Богу вслед за мужем. Отроку во святом крещении дано было имя Аврамия. Ребенка, уже в пеленах, по смерти родителей, оставшегося круглою сиротою, взяла на воспитание одна благородная черноризица. Еще в отроческом возрасте Аврамия проявлялись признаки, предугазывавшие на образ его жизни в будущем, когда он станет совершеннолетним. Малым ребенком он вел себя наподобие разумного и добронравного мужа, так что даже

когда у него происходили со сверстниками детские игры, то последние не назначали Аврамия царем или воеводой, но – игуменом. И действительно, уже с детства он привыкал к иноческой жизни; видя воспитывавшую его черноризицу, непрестанно пребывающую в молитвах и посте, и он насколько возможно для отрока, старался подражать ей, постясь и совершая молитвы. Больше своих сверстников преуспевал он и проходя начальную по тому времени школу. Так возрастая телом и разумом, Авракий вышел из отроческого возраста. – В то время скончалась черноризица, заменявшая ему мать. Вторично осиротевший отрок Авракий оплакал ее кончину, как кончину действительной матери своей. Затем он пожелал побывать в Византии для приобретения дальнейшего образования. Бог, заботящийся о сиротах, следующим образом привел в исполнение его желание. В то время в Греции царствовал благочестивый император Роман⁸. Им был послан в Трапезунд для собирания торговых податей один из дворцовых евнухов⁹. Последний, познакомившись с благовидным и разумным отроком Авракием, взял его с собою в Византию и здесь поручил одному выдающемуся учителю, по имени Афанасию, заботу о его философском образовании. Ученик в скором

времени по познаниям сравнился с учителем. В те годы в Византии проживал один воевода по имени Зефиназер, который сосватал родственницу Аврамия своему сыну; познакомившись с Авраимом, он взял его в свой дом. Юноша Аврамий, хотя и пребывал в богатом доме, изобилующем изысканными яствами, тем не менее не оставлял постнического воздержания, к которому привык у воспитавшей его черноризицы. Избегая удовольствия от брашен, Аврамий не соглашался есть за трапезою воеводы, но удовлетворял свой голод, – и то по необходимости, – невареным зелием и овощами. Он всегда старался быть бодрым; поэтому, желая победить естественный сон и уничтожить дремоту, он наполнял лохань водою, в которую и погружал свое лицо; всячески изнуряя себя, Аврамий умерщвлял свою плоть и порабощал ее духу. За такую добродетельную жизнь, а также и за выдающийся разум, Аврамий был любим всеми и стал известен людям и даже самому императору. Последним Аврамий назначен был учителем в государственном училище на одинаковых правах с бывшим наставником его Афанасием. А так как учение Аврамия больше нравилось, чем Афанасия, отчего к нему собиралось больше учеников, чем к Афанасию,

то последний, завидуя своему прежнему ученику, начал ненавидеть его. Узнавши о сем, блаженный Авраамий в скором времени оставил учительскую должность, не желая опечаливать своего учителя; он проживал в доме вышеозначенного воеводы, предаваясь своим обычным подвигам. После сего от императора последовал воеводе приказ – отправиться, по требованиям государственной необходимости, в Эгейское¹⁰ море. Воевода, сильно любивший Авраамия, взял и его с собой, когда удалился в плавание по приказанию царя. Они доплыли до Авида, а отсюда достигли Лименя. Здесь Авраамий, заметивши Афонскую гору, весьма полюбил ее и помышлял о том, чтобы поселиться на ней. Когда они, исполнив поручение императора, вернулись домой, то, по Божественному усмотрению, в Константинополь из находящегося близ Афона Кименского монастыря прибыл преподобный Михаил по прозванию Малеин¹¹. Когда Авраамий, слышавший о богоугодной жизни преподобного отца, узнал об этом, то чрезвычайно обрадовался и отправился к нему. Он получил высокое наслаждение от беседы со старцем; и после его боговдохновенных наставлений Авраамия охватило еще более горячее желание отвергнуться мира, чтобы служить Богу в

иноческом чине. Он открыл свое намерение и желание преподобному Михаилу, сообщив при этом о себе, – откуда он, кто его родители, какое он получил воспитание, и почему он проживает в доме военачальника. Прозирая, что Авраамий явится сосудом Святого Духа, преподобный весьма полюбил его и долго поучал о спасении, сея в его сердце, как на удобренной почве, семена словес Божиих, дабы он принес сторичный плод добродетелей. В то время, как они вели духовную беседу, пришел навестить преподобного Михаила его племянник Никифор, военачальник Востока, который впоследствии был греческим императором¹². Во время беседы со своим преподобным дядей, он заметил юношу Авраамия и спросил о нем старца, кто он такой. Святой сообщил ему всё касающееся Авраамия, а равно и о том, что последний желает быть иноком; с этого времени Авраамий стал известен Никифору. Спустя несколько дней преподобный Михаил возвратился из Константинополя в свою обитель; Авраамий же был не в состоянии пребывать более среди житейской суеты, но презирая всё мирское, увлекаемый стремлением к иночеству и любовью к преподобному, поспешно отправился к нему. Дойдя до Кименской обители, он упал в ноги святому старцу Михаилу, со слезами умоляя облечь его в

иноческий образ и тем присоединить к избранному стаду словесных овец Христовых. Преподобный Михаил приветливо встретил Аврамия: не откладывая исполнение его просьбы и не посылая его в разряд испытываемых, преподобный Михаил немедленно постриг Аврамия с именем Афанасия, как уже опытного подвижника, ибо он замечал в нем горячую любовь к Богу. Хотя в той обители и не существовало обычая одеваться инокам после пострижения во власяницу, блаженный Михаил облек, однако, ею Афанасия, – как бы вооружая доблестного воина Христова в броню против супостатов; Афанасий умолял святого старца положить на него послушание – во всю неделю вкушать пищу только однажды. Но премудрый наставник отсекая волю своего ученика, приказал ему принимать пищу на третий день. Афанасий с усердием проходил все назначавшиеся ему монастырские и церковные послушания, пребывая неутомимым и в иноческих подвигах. Свободное же от монастырских работ время, он посвящал, по приказанию своего духовного отца, на переписку священных книг. За такое трудолюбие Афанасия любили вся братия; так, в течении четырех лет он показал себя совершенным в иноческой жизни. – Затем

преподобный отец повелел ему проводить жизнь в безмолвии, в келлии, находившейся в пустыне и отстоявшей от обители на одно поприще¹³; при сем старец дал ему следующую заповедь относительно поста: не на третий день вкушать пищу, как доселе он имел обыкновение, – но на второй, – есть сухой хлеб и пить немного воды; во все же Господские и Богородичные праздники и в дни воскресные он повелел ему, начиная с вечера и до третьего часа дня, пребывать без сна в молитвах и славословии Божиим.

По прошествии некоторого времени вышеупомянутый военачальник Востока Никифор – племянник преподобного Михаила, исполняя царскую службу и проходя мимо обители, зашел к своему преподобному дяде Михаилу; во время беседы с ним он вспомнил об Аврамии и спросил:

– Отче, где находится отрок Авракий, которого я видел у тебя в царствующем граде?

– Он молит Бога о спасении вашем, – отвечал старец. – В настоящее время он уже монах и переименован из Аврамия Афанасием.

Случилось, что с Никифором находился брат его – патриций¹⁴ Лев. Они оба, выслушавши о добродетельной жизни Афанасия, просили позволения увидеться с ним, и так как старец не

противился этому, то они отправились к месту Афанасиева безмолвия. Встретивши их, Афанасий вел с ними беседы, исполненные духовной премудрости, ибо уста его были насыщены благодатию Духа Святого. Они так усладились его речами, что выразили желание навсегда остаться с ним, если бы только им было возможно освободиться от своих должностей и мирских забот. Возвратившись за тем к преподобному Михаилу, они сказали ему:

– Благодарим тебя, отче, за то, что ты показал нам сокровище, которое ты имеешь утаенным на поле твоей паствы.

Между тем старец, призвавши Афанасия, приказал ему снова предложить пришедшим учительное слово о спасении души. И устами святого действовала благодать Господня так, что слушающие речи его умилялись, сокрушались сердцем и плакали. Да и сам старец изумлялся благодати поучения, исходящей из уст Афанасиевых. С этого времени военачальник Никифор и патриций Лев весьма полюбили блаженного Афанасия. И, уединившись с ним, Никифор открыл ему свое намерение, говоря:

– Отче, я желаю устраниваться от мирской бури и, избегнувши житейских забот, служить Богу в иноческом безмолвии. Это желание и намерение окрепли у меня главным образом под влиянием

твоих боговдохновенных речей, и я питаю надежду с помощью твоих святых молитв получить желаемое. Блаженный Афанасий отвечал ему на это:

– Господин! На Бога возложи твою надежду – и Он устроит относительно тебя, как желаешь.

Таким образом после продолжительных бесед Никифор и Лев с большою пользою для своих душ возвратились в свой путь.

Преподобный Михаил имел намерение поставить Афанасия после себя игуменом, ибо сам он уже состарился и приближался к кончине. Узнавши об этом, Афанасий, хотя и не желал расстаться с любезным отцом своим, тем не менее убежал оттуда, боясь бремени начальствования и считая себя недостойным пастырского сана; он странствовал по Афонской горе, посещая пустынных отцов, и примером их добродетельной жизни возбуждался к высшим подвигам. Найдя в расселинах скал несколько братий, проживающих неподалеку друг от друга, он поселился среди них и стал подражать их суровому образу жизни. У них не было никакой заботы о теле, не было ни крова, ни пищи, ни имущества, но ради Бога они охотно и с радостью переносили и мороз, и жар, и голод. Последний они удовлетворяли дикими овощами, произраставшими в той пустыне, и то немного

вкушая их в положенный час. В то время скончался преподобный Михаил Малейн. Узнавши о его кончине, Афанасий плакал о нем как сын об отце. Он узнал также и о том, что военачальник Никифор с братом патрицием Львом снова должны будут проходить мимо того места, и побоялся, чтобы они опять не стали разыскивать его. Поэтому он покинул пустынников, ибо они были известны прочей братии и их часто посещали; опасаясь, что его узнают приходящие к ним, Афанасий отправился в дальнюю обитель, прозывавшуюся по-гречески: "Тузига". Найдя здесь некоего старца, в безмолвии живущего вне обители, он просил последнего принять его, а дабы не быть опознанным по имени, он переименовал себя вместо Афанасия – Варнавою.

Между тем старец расспрашивал его, говоря:
– Кто ты, брат, откуда и по какой причине пришел сюда?

– Я был корабельщик, отвечал Афанасий, – и, попавши в беду, дал обещание Богу отвергнуться мира и сокрушаться о грехах моих. По этой причине я облекся во святой иноческий образ и, наставляемый Богом, пришел сюда к твоей святости, желая пребывать с тобою и

получать от тебя руководство на пути спасения. Имя же мое Варнава.

Поверивши рассказу Афанасия, старец принял его, и остальное время Варнава проживал со старцем, во всем повинуюсь ему как отцу. По прошествии же некоторого времени, он сказал старцу:

– Отче, начни обучать меня грамоте, чтобы я мог хотя немного уметь читать псалтирь. Когда я жил в миру, я ничего другого не знал кроме плавания на корабле.

Блаженный Афанасий затем притворялся неграмотным, чтобы не быть узванным и опознанным теми, кто стал бы искать его. Тогда старец написал для него азбуку и учил его, как никогда не учившегося простеца. Варнава между тем притворялся, будто не может понять и уразуметь азбуки. Так он поступал в течение долгого времени, а старец печалился за него, а иногда разобидевшись, с гневом прогонял его от себя. Названный же Варнава смиренно говорил:

– Отче, не отгоняй меня неразумного и дурного, но Бога ради потерпи и помоги мне твоими молитвами, да подаст мне Господь разумение.

После сего ученик как бы понемногу стал уразумевать письменные слоги и вселял надежду в старце относительно усвоения учеником в

будущем книжного знания. В то время знаменитейший восточный военачальник Никифор, узнавши, что Афанасий убежал из Кименского монастыря, был весьма опечален и размышлял, как бы найти его. Он писал к судье Солунскому¹⁵, чтобы тот, дойдя до Афонской горы, точно разузнал об Афанасии. Прочитавши письмо, судья немедленно с поспешностью отправился во святую гору и, призвавши прота, начальника над всеми игуменами Афонских монастырей, расспрашивал его об иноке Афанасии, описывая ему признаки его лица и возраста и книжное искусство, как сообщил ему Никифор. Прот с уверенностью утверждал:

– Такой муж, какого вы ищете, не приходил на сию гору, а впрочем, – добавил он, – точно сего я не знаю. В скором времени у нас соберется собор, на котором должны присутствовать проживающие на сей горе. И вот, если отыскиваемый вами инок находится где-нибудь на этой горе, то он, конечно, явится в числе других на собор, и с то время мы узнаем его.

Судья вернулся в Солунь.

Тогда на Афоне существовал обычай, чтобы братия трижды в год собиралась в так называемый Карийской Лавре в три нарочитых праздника: Рождества Христова, Пасхи и Успения Пресвятой Богородицы. Собираясь в

сие время, иноки праздновали вместе, причащаясь божественных Таин Тела и Крови Христовых и вкушая общую трапезу. Когда наступил праздник Рождества Христова и собрались из монастырей и пустынножительных келлий отцы и братия, то явился и тот старец – учитель назвавшегося Варнавою с своим учеником. Прот пристально всматривался в братию, отыскивая в числе ее такого инока, который бы подходил к признакам, описанным Никифором. Заметивши такого, он спросил его имя и так как услышал, что его зовут Варнавою, то усомнился, – отыскиваемому иноку было имя Афанасий. Но впрочем прот решил определить личность инока по его книжному искусству. И вот, когда наступило время чтению и была предложена книга, прот приказал именовавшемуся Варнавою иноку прочесть пред собором установленное чтение. Но Варнава отказывался, утверждая, что он несведущий и неграмотный. Старец же его, замечая это, улыбнулся и, тихо засмеявшись, сказал приказывающему:

– Авво¹⁶, оставь, – брат неумелый и настоящее время он учится лишь соединять буквы и слоги первого псалма.

Но прот настаивал на своем, приказывая читать под угрозой. Тогда блаженный

Афанасий, замечая, что не может далее скрываться, к тому же и вынуждаемый угрозой, повиновался власти, установленной Богом, и стал читать как умел, – обнаруживая звучный голос и необычную выразительность, так что все слушавшие удивлялись. Удивился, а вместе ужаснулся и старец, замечая и слыша то, чего он не ожидал и стыдился за свое учительство, но вместе с тем и радовался, воздавая с слезами благодарность Богу за то, что сподобился быть учителем столь учительного мужа. Тогда Афанасий был узнан, и все относились к нему с уважением, а один из почтеннейших отцов, по имени Павел, из Ксиропотамской области, пророчески говорил братии об Афанасии:

– Сей, после нас пришедший на сию гору брат, упредил нас в добродетели и будет по славе первейшим нас в царстве небесном. Он будет для многих отцом и наставником на пути спасения.

Прот после сего сообщил Афанасию, что его ищут Никифор с братом своим Львом. Афанасий умолял прота не сообщать о нем, дабы ему не лишиться святой горы. Тогда и прот, понявши, что потерять такого мужа будет лишением для Афона, обещался не открывать его отыскивавшим. Афанасию же он приказал безмолвствовать в уединении в пустынной

келлии, отстоящей от лавры¹⁷ на три поприща. Здесь, трудясь для Бога наедине, преподобный Афанасий имел пропитание от рук своих. Он переписывал книги, так как был каллиграф и скорописец, и течение шести дней, не оставляя при том обычного монашеского правила, переписывал всю псалтирь; за переписку книг отцы снабжали его хлебом.

Когда преподобный Афанасий проживал в безмолвии, в то время вышеупомянутый Лев, брат Никифора, бывший уже военачальником на Западе, возвращаясь с войны после победы над дикими скифами, одержанной с помощью Божией и Пречистой Богоматери, зашел на Афонскую гору воздать благодарение за победу над врагами Христу Богу и Его Пречистой Матери. После благодарственного моления, Лев прилежно расспрашивал об Афанасии и, узнавши об его местопребывании, отправился к нему в безмолвную келлию. Увидавши Афанасия, Лев сильно обрадовался, приветливо обнимая его, и от радости даже плакал. Он день и ночь проводил в беседах с Афанасием, наслаждаясь его богомудрыми речами. Замечая сильную любовь военачальника к Афанасию, иноки просили последнего, чтобы он попросил Льва устроить для иноков в Карейской Лавре новую обширную церковь, так как старая была

мала и не могла вместить всей братии. Афанасий сообщил об этом военачальнику. Христолюбивый воевода немедленно с радостью дал им множество серебра и золота на постройку церкви. Простившись затем с Афанасием и прочими отцами, лев пошел своим путем к Константинополю, где и сообщил об Афанасии брату своему Никифору. С этого времени Афонские отцы стали относиться с особенным уважением к Афанасию, восхваляя его; многие стали приходить к нему и для душевной пользы.

Между тем преподобный, любя безмолвие и отовсюду избегая человеческой славы, удалился из места своего поселения и обходил внутренние места горной пустыни; наставляемый Богом, он пришел на самый край Афона, в местность прозывавшуюся Мелана, имевшую обширнейшую пустыню и далеко отстоявшую от остальных жилищ постников. Устроивши на одном холме, с площадкой на верху, шалаш, Афанасий начал здесь подвизаться, стремясь к высшим подвигам. Первоначально коварный враг диавол, желая изгнать преподобного, делать это новое место поселения для него ненавистным, возбуждая в нем настойчивую, с трудом побораемую, мысль удалиться. Но добрый подвижник побеждал свои сомнения таким размышлением:

– Перетерплю здесь весь этот год, а по окончании года поступлю так, как Бог устроить.

Когда же прошло означенное время, то в последний день года подвижником с особенною силою овладели помыслы, влекущие его оттуда, так что он сам себе сказал:

– Утром уйду и возвращусь в Карейскую Лавру.

Затем он встал на молитву, совершая пение третьего часа, и внезапно появившийся свет небесный облистал его, и облако помышлений тотчас рассеялось. С чувством несказанного веселия и восторга святой изливал от переполненного божественной любовью сердца радостные слезы. С того времени преподобный Афанасий получил дар умиления и плакал, когда желал. Место же то он настолько возлюбил, насколько раньше оно было ненавистно для него, и он жил в нем, прославляя Бога. В это время военачальник Никифор был отправлен императором с войском на остров Крит¹⁸, которым завладели тогда мусульмане. Не надеясь на силу греческого войска, но ища молитвенной помощи у святых отцов, Никифор послал одного из доверенных ему лиц на корабле на Афон, написавши ко всему собору афонских отцов просьбу о молитве их к Богу, чтобы подана была ему свыше помощь против

мусульман. Он просил еще прислать к нему Афанасия, который, как он слышал от брата своего Льва, проживает на Афоне. Прочитавши письмо военачальника, афонские отцы совершали неленостные молитвы о нем, затем, отыскавши Афанасия в пустыне и призвавши его на собор, приказывали ему идти к военачальнику. Первоначально Афанасий совсем было не хотел идти и едва повиновался, будучи побуждаем угрозами старцев. Вместе с ним отправили и одного из уважаемых старцев, которого Афанасий почитал своим учителем, следуя за ним как ученик. Севши на корабль, они отплыли в Крит. Когда они явились к благочестивому военачальнику Никифору, то последний, лишь только увидел Афанасия, подбежал, бросился ему на шею, облобызал его и плакал от радости, почитая его как своего духовного отца. Заметивши же, что Афанасий относится к своему спутнику – старцу как ученик к учителю, Никифор удивлялся его смирению и, оставивши всё управление внешними делами, проводил время в духовной беседе с преподобным Афанасием. Он вспоминал при этом свое давнишнее обещание отречься от мира и сделаться иноком; и умолял преподобного первоначально устроить в той пустыне, в которой он сам проживает, келлии

для молчальников. Никифор давал Афанасию серебра и золота на устройство этих келлий, но Афанасий, любя беспечальную и безмолвную жизнь, отказался от хлопот о келлиях, не принял серебра и золота, чем весьма опечалил военачальника. Пробывши вместе лишь несколько дне и насладившись взаимным лицезрением и дружелюбными беседами, они расстались. Афанасий возвратился на Афон, а военачальник отправился на войну и, по молитвам святых отцов, победил мусульман и снова присоединил Крит к Греции. Вскоре затем военачальник Никифор опять отправил на Афон одного из своих приближенных по имени Мефодия (который потом был игуменом Кименской обители) с золотом к преподобному Афанасию, на устройство келлий. Золота послано было литр¹⁹ шесть.

Блаженный Афанасий, увидавши теплую любовь к Богу Никифора и его доброе намерение и сознавши, что оно дело Божия изволения, принял золото и начал заботиться о стройке. Очистивши помянутое место, он прежде всего поставил келлии для безмолвия Никифору, устроил храм во имя святого Иоанна Предтечи, а потом у подножия горы воздвиг прекраснейшую церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Когда приступили к

постройке церквей, то завистливый враг начал ей препятствовать: у создавших церковь людей цепенели руки и делались совсем неподвижными, так что их нельзя было приблизить к устам. Уразумевши, что это дело бесов, преподобный горячо помолился Богу, отогнал козни лукавого и тем освободил от оцепенения руки рабочих. Таково было начало чудес великого отца. Окончив церковь в честь Пресвятой Богородицы, преподобный стал устраивать кругом нее келлии, – словом, созидать прекрасную обитель; он выстроил трапезу и больницу, странноприимный дом, затем для больных и странников баню, мудро устроивши и все прочие необходимые для обители здания; затем он собрал множество братии, дав ей в руководство строго общежительный устав, составленный по образу древнейших палестинских обителей; для вновь собранного словесного стада преподобный Афанасий явился игуменом, который был угоден Богу и к которому благоволила Пресвята Богородица: ибо один из иноков видел Ее посещающей созданную преподобным обитель и церковь Свою; сподобившийся сего видения инок Матфей был подвижник, безукоризненно проходивший путь иноческой жизни и потому имевший чистые и просвещенные сердечные

очи. Стоя в церковном собрании с благоговейным вниманием и страхом на утреннем пении, он узрел Пресветлейшую Деву, вошедшую в церковь с двумя пресветлыми ангелами. Один из них шел впереди Ее со свечою, – а другой позади; Сама же Она, обходя братию, раздавала подарки. Братиям, поющим на клиросах, Она давала по одной золотой монете, а тем, которые стояли внутри церкви по прочим местам, давала по двенадцати цат, стоявшим же на паперти – по шести. Видевший сие Матфей и сам сподобился от Пречистых рук Ее принять шесть цат. После этого явления Матфей пришел к преподобному отцу и упрашивал его дать ему место в числе поющих, причем он рассказал святому, что он видел. Уразумевши, что то было посещение Пречистой Девы Богородицы, преподобный отец исполнился великой духовной радости. Относительно же раздаяния братии золотых монет, он заключил, что это были даруемые Ею каждому по достоинству различные благословения: стоявшим во время пения с горячайшею молитвой и вниманием давалось большее воздаяние, а которые менее внимали – те менее и получили. Зревший же то видение потому был сравнен в меньшими, чтобы, с одной стороны, будучи опечален лишением большего,

рассказал о видении, а с другой для того, чтобы не возгордился равенством своим с достойнейшими, но в смиренномудрии пребывал с меньшими. Чрез это явление с очевидностью обнаружилось, – каково было благоволение Пречистой Девы Богородицы к преподобному Афанасию и его обители. Каково же было устройство обители преподобного, каков в ней был порядок, уставы и законоположения, о всём том подробно описано в отдельной книге его жития²⁰, – желающий пусть там и читает. Мы же, повествуя сокращенно, собираем особенные деяния (хотя они и все необыкновенны).

Преподобный Афанасий, услышавши, что военачальник Никифор по смерти царя Романа²¹ был поставлен царем в Греции за неоднократные победы над мусульманами, весьма опечалился, потому что в виду его обещания быть иноком, он принял на себя заботы об обители. (Да будет же известно, что это император Никифор прозывался также Фокою. Но это не тот Фока, который убил императора Маврикия и не тот Никифор, который воцарился после императрицы Ирины и был убит в войне с болгарами, но иной Никифор Фока – позднейший по годам; Преподобный, скорбя о неисполнении

Никифором обета, предполагал оставить всё и бежать. Приготовляясь к побегу, он сообщил братии, что желает идти к императору для устройства монастырских дел. Захвативши с собою некоторых из братии, он действительно отправился в путь и, дойдя до Авиды, оставил при себе троих братьев, а прочих возвратил в монастырь, говоря:

– Мне достаточно с сими троими уйти в Константинополь.

Когда они удалились, Афанасий написал письма к императору, напоминая ему о его обещаниях Богу и укоряя за суетное изменение прекраснейшего намерения и сообщая о своей скорби, – именно, что из-за него он возложил на себя столько забот. В конце письма он приписал следующее:

– Я не повинен пред Христом Господом в твоём обмане. Оставляю тебе новособранное Божие стадо; его ты вручи, кому желаешь. Я с своей стороны думаю, что быть начальником достоин Евфимий, – инок выдающийся по жизни и учительству.

Написавши так, Афанасий не сообщил своим ученикам о том, что написал, но запечатавши письмо, выбрал одного из троих братьев и вручив ему письмо, отправил его к императору. По прошествии же немногого времени, он отослал

от себя в монастырь и другого ученика по имени Феодота, под предлогом навестить братию и поглядеть за порядком в монастыре. Сам он остался с одним учеником по имени Антонием; с ним Афанасий отправился в Кипр, где побывавши в некоторой обители, именовавшейся обителью "Священных" упросил игумена дозволить им жить в ближайшей к тому монастырю пустыне. Получивши просимое, он стал жить в безмолвии для Бога, приобретая себе пищу трудами рук своих, именно переписывая, как и раньше, книги. Когда же тот брат, который был отправлен с письмом в Константинополь, передал последнее в руки императору, то император, взявши его обрадовался. Но распечатавши и прочитавши письмо, он весьма сильно опечалился с одной стороны по причине своей неправды пред Богом, а с другой по тому, что преподобный Афанасий оставил обитель и неизвестно куда скрылся. И брат, узнавши о содержании письма, стал плакать и рыдать, что потерял отца своего. Император немедленно отписал в обитель, дабы начальствование над нею до времени принял Евфимий. Вместе с тем царь во все страны своих владений разослал приказ о розыске преподобного Афанасия. Это повеление императора достигло и острова Кипра и было

близко к своему исполнению. Но преподобный, прознавши о том, немедленно, взявши ученика, удалился на морской берег и, встретивши здесь по Божественному усмотрению корабль, сел в него и при помощи попутного ветра скоро пристал к другому берегу. Преподобный старец недоумевал, – в какую сторону ему обратиться. Он имел в виду направиться к святым местам в Иерусалим, но путь туда был неудобен по причине мусульманского нашествия. Не желал он уклоняться к сторонам Греции, по причине поисков его со стороны императора. Таким образом он не знал, куда держать ему путь. С наступлением ночи преподобный стал на молитву, испрашивая у Бога совета и наставления. И вот ему было Божественное откровение и повеление, чтобы он возвратился на Афон в свою обитель, потому что его трудами она имеет быть приведена к окончательному внешнему и внутреннему завершению, причем многие чрез его наставления спасутся. Получивши от Бога такое откровение, преподобный сообщил его Антонию, и они немедленно пустились в путь, по суше возвращаясь на прежнее место. От продолжительного многодневного пути у Антония заболели и отекали ноги. Они сильно горели, и он совсем не мог идти. Тогда

преподобный, собравши немного растущей кругом травы и растерши ее в горсти, приложил к ногам ученика и, обложивши древесными листьями, перевязал своею головною повязкою, а затем взял больного за руку, поднял его, и Антоний немедленно воззвал:

– Слава Тебе, Христе Боже за то, что Ты облегчил мне болезнь!

Дальше он шел как и раньше, имея ноги здоровыми. Вышеупомянутый брат Феодот, которого преподобный отец отослал навестить братию, придя в обитель, застал в ней всех колеблющимися вследствие удаления отца и сокрушался об этом сердцем. Не перенося же потери своего отца, он отправился в Кипр, повсюду его отыскивая. Будучи в Атталии²², по Божественному усмотрению он встретил его на дороге; увидавши друг друга, они весьма обрадовались. Отец, услышавши о смутах среди братии в обители, изменил радость на печаль. Феодота он немедленно отпустил в Лавру, дабы он сообщил братьям о его приходе, а сам отправился для молитвы в монастырь, находившийся в Лампидии. Здесь увидавши одного брата, потерявшего рассудок и неистовствовавшего, Афанасий возложил на него руку и исцелил его. Поучивши здесь некоторое время, он отправился к Афону и

достиг своей обители. Братия, когда увидали его, то подумали, что видят солнце и от радости восклицали:

– Слава Тебе Боже!

Все, подходя, целовали кто руки, кто ноги, кто рубище его. После сего преподобный по прежнему снова стал всем управлять в обители, на ее созидание.

С течением времен явилась необходимость преподобному отцу самолично отправиться к императору с хлопотами по делам монастыря. Итак он отправился и прибыл в Константинополь. Узнав об этом, император радовался и вместе с тем стыдился: радовался, так как желал видеть преподобного и стыдился, потому что должен был показаться ему в императорском сани; поэтому он встретил его не как император, но как один из обыкновенных, простых людей. Взявши его за правую руку и облобызав ее, он привел его во внутреннюю палату своего дворца и, сидя наедине, они со слезами радости любезно вели взаимную беседу.

– Я знаю, отче, – говорил император, – что я виновник всех твоих трудов и скорбей, презрев страх Божий и не исполнивши моего обещания. Но умоляю тебя, – потерпи на мне, ожидая моего покаяния, когда Бог дарует мне возможность "воздать ему мои обещания".

Межу тем преподобный увещевал его быть боголюбивым, благочестивым, не гордым, милосердным, щедроподательным и, напоминая будущее воздаяние в жизни вечной, поучал его всем хорошим делам, приличествующим императору христианину. Преподобный пробыл в Константинополе много дней, часто дружески беседуя с императором. Отпуская его, император дал монастырю всё необходимое. Затем он утвердил указом, чтобы обители ежегодно давалось с острова Лимнос двести сорок четыре златника. Преподобный возвратился к братии с щедрою царскою милостью.

В то время как преподобный успешно подвизался и руководил на пути спасения множеством братий, – на него восстал со всею своею силою ненавистник добра диавол и вооружился на войну против храброго Христова воина. О сем открыто было одному из старцев-подвижников, который, придя в исступление, видел бесовский полк, подходящий к горе Афонской; в полке этом находился один начальник, как бы тысячник – страшный и грозный, показывавший большую власть. Он разделил помянутый полк: сто бесов отправил обходить всю гору и уловлять иноков, а сам с девятыюстами отправился с страшною

ненавистью в Афанасиеву лавру. Прежде чем сообщено было это видение преподобному, его постигла следующая болезнь. Когда по своему обыкновению он трудился с другими работниками на морской пристани, случайно упало ему на ноги огромное дерево и переломило суставы и голени, так что святой лежал на одре болезни в течение трех лет. Впрочем он и во время болезни не желал оставаться в бездействии, но писал книги, в сорок дней оканчивая патерик. И лежа, он вооружался против невидимого супостата и, одерживая победу, отражал его козни. Тогда враг, не имея успеха в Лавре, отправился и возбудил старых простецов иноков, проживавших по прочим святогорским монастырям и проводивших жизнь отшельническую; он внушал им следующие неодобрительные мысли о действиях преподобного:

– Зачем Афанасий причиняет насилие святой горе и разоряет древние законы? Он воздвигнул многоценные здания, устроил новые пристани, выкопал новые водоемы, накупил волов, засеял поля, развел виноградники, словом – сделал гору мирским поселком.

Посоветовавшись между собою, эти старцы отправились в Константинополь к императору Иоанну, преемнику умершего Никифора²³;

наговаривая на Афанасия, они упрашивали императора прогнать его с Афонской горы. Император чрез посланного призвал к себе Афанасия, уже выздоровевшего после болезни; увидав его и уразумев пребывающую на нем благодать Божию, император вместо того, чтобы разгневаться на подвижника, почувствовал к нему расположение; он весьма полюбил богодохновенного отца, оказал ему почет и осыпал его царскими благодеяниями. Он подтвердил и прежний указ, данный императором Никифором, чтобы в обитель давалась дань с острова Лимнос в размере двухсот сорока четырех златников и с почетом отпустил Афанасия обратно. Тогда те древние старцы-простецы, исполнившись стыда, раскаивались в своих замыслах и, приходя к преподобному, просили у него прощения. Устыдился и супостат диавол и, сильнее восплавши гневом, снова во своим легионом напал на Лавру святого отца. Это нашествие видел честный старец Фома, имевший чистые душевные очи. Он после совершения молитвословий третьего часа пришел в исступление и видел все горы и холмы, деревья и хворост переполненными небольшими эфиопами, которые, сердясь и пылая враждою,

друг друга призывали к войне и битве, злобно и свирепо восклицая:

– До каких пор мы будем терпеть, друзья? почему мы не растерзаем зубами здесь поселившихся? Почему не истребим их немедленно отсюда? Да и до каких пор будем терпеть их начальника врага нашего? Разве вы не видите, как он выгнал нас отсюда и завладел нашими местами?!

Когда они так говорили, вышел из келлии преподобный Афанасий. Увидавши его, эфиопы содрогнулись и смутились. Он же, напавши на них, бил их, ранил и отгонял; он не переставал наносить им побои, пока не отогнал всех далеко от Лавры. Когда старец Фома сообщил о видении преподобному, последний немедленно встал на молитву и со слезами умолял Бога сохранить свое стадо от зубов вражеских. И поистине преподобный молитвою как бы железным жезлом побивал и прогонял невидимых зверей. Последние же, хотя и убегали, но всё же, понемногу возвращаясь снова, не переставали своими кознями возбуждать вражду. В одном иноке они поселили такую ненависть к преподобному, что он не желал даже глядеть на него, и по действию бесов в нем так возросла злоба, что он покушался даже на убийство. Приготовивши и отточивши меч, он изыскивал

подходящего случая, чтобы убить преподобного отца. Как-то раз ночью, когда все спали, а преподобный пребывал в своей келлии в бодрствовании на молитве, убийца подошел к келлии святого, под предлогом, – будто имеет весьма нужное к нему слово; в то же время он держал под рукою обнаженный меч; он стукнул бесстрашно в дверь, говоря:

– Благослови, отче!

И голос его был голосом Иакова, а руки Исавовы²⁴. Преподобный же отец, будучи праведен как Авель, не знал, что снаружи стоит Каин и вызывает его для убийства²⁵, – он спрашивал из келлии:

– Кто ты?

И немного приотворил дверь.

Убийца же, испугавшись отеческого голоса, с трепетом упал на землю. Бог, охраняющий верного Своего раба, внезапным ужасом поразил убийцу: его руки ослабли, меч упал на землю, и он сам лежал пред ногами отца распростертым на земле как мертвец. Видя это, преподобный удивился и ужаснулся, и поднимал лежащего с земли. Едва придя в себя последний растроганным голосом сказал отцу:

– Помилуй меня, отче, твоего заклателя!

Прости мою злобу, которую я замышлял против тебя и прости нечестие моего сердца!

Зажегши свечу и увидавши на земле меч, оточенный как бритва, Афанасий уразумел замысел инокa:

– Чaдо, – сказал он, – как на разбойника вышел ты на меня с сим мечом?! Но перестань рыдать, зажми рот, спрячь эту вещь, никому не говори о случившемся и подойди ко мне – я облобызаю тебя; Бог же да простит тебе твое согрешение!

Таково было незлобие преподобного отца! С того времени он обнаруживал большую любовь к тому брату. Последний же, всегда воспоминая о своем грехе и наблюдая незлобие и любовь к себе отца, непрестанно рыдал и не мог утаить случившегося происшествия, обличая свой грех и прославляя добродетель преподобного. Он умер с искреннейшим раскаянием и преподобный так плакал о нем, как ни о ком другом. И еще один брат, подобно первому ненавидя отца, изыскивал случай истребить его из среды живущих на земле. Не зная же, как это устроить, он предался бесовским волхвованиям и чарованиям; причинивши отцу много смертельных волшебств и чарований, он не имел к своему удивлению никакого успеха. Случайно он спросил некоего брата:

– Причиняют ли человеку смерть чародейства?

Брат отвечал, что благочестивому и по-
божески живущему человеку не может
причинять вреда никакое чарование или
волхование. Выслушавши это, волшебник
проклинал себя в своей совести. Узнавши же
затем, как отец простил намеревавшегося убить
его брата, он изумился его незлобию, умилился,
пришел в страх Божий и, отправившись к отцу,
упал ему в ноги, с большим рыданием исповедуя
свой грех и испрашивая прощения, которое он
получил от незлобивого отца. Таким был
преподобный Афанасий относительно
согрешающих пред ним. За это Бог и прославил
его повсюду. В его паству собралось множество
братий из различных стран, не только из
Греции, ни и из Италии, из самого древнего
Рима, из Клабрии²⁶, Амалфий²⁷, Иверии²⁸, и – не
из числа только простолюдинов, но из числа
богатых и благородных. Даже игумены многих
монастырей, бросивши свое начальствование,
приходили под начальство к преподобному. Не
только игумены, но и архиереи, оставляя свои
кафедры и паствы, приходили в паству святого
отца и желали быть его пасомыми. Из числа
таковых были – великий между патриархами
Николай, он же и Харитон, Андрей Хризополит и
Акакий, просиявший в течение многих лет в
постничестве. Точно также и состарившиеся в

непроходимых пустынях подвижники, придя, по Божественному строению, к отцу, водворялись в его лавре, желая назидаться примером его добродетельной жизни. Из числа последних был: преподобный Никифор, подвизавшийся вместе с святым Фантином в горах Калабрии. Им было божественное видение, приказывавшее Фантину идти в Солунь, а Никифору на Афон к преподобному Афанасию, у которого он, проживши долгое время, преставился и был похоронен. По прошествии же некоторого времени, когда мощи его, по случаю вынутые из земли, переносилась в другое место, из сухих костей проистек источник благоуханнейшего, несравнимого ни с какими ароматами мира. Таковые-то святые отцы посылаемы были Богом под управление преподобного отца Афанасия, из чего ясно познается богоугоднейшая по сравнению с другими жизнь его. Подобно тому как от ветвей познается корень и от плодов дерево, так точно по успешным ученикам познается опытный учитель и по добрым овцам их добрый пастырь. Но уже пора, вкратце припомнивши о чудесах Афанасия, привести речь о нем к концу. Бог, прославляющий Своих святых чудесами, не лишил и сего великого угодника Своего дара чудотворения. Прежде всего скажем об его прозорливости.

Однажды наступил жестокий мороз. Преподобный позвал к себе одного из послушников по имени Феодора и сказал ему:

– Брат, взявши пищу, поспеши в Кесарийское (так именовалась на Афоне одна местность). Когда, идя по направлению к морю, будешь напротив Трохал, – встретишь трех, изнемогающих от мороза и голода и находящихся при смерти, мужей, один из которых инок. Подкрепи их хлебом, чтобы к ним возвратилась сила, и они согревшись, и приведи их сюда.

Отправившись, Феодор нашел всё действительно так, как пророчески сказал отец, и все дивились прозорливости святого. Некогда преподобному явилась необходимость по монастырским делам отплыть на корабле к острову с некоторым из братии. По попущению же Божию невидимый враг, желая потопить отца с братиею, поднял страшный ветер, бурю и волнение, опрокинул корабль среди пучины, так что всех немедленно затопила вода. Но десница Божия поспешно избавляющая от бед своего угодника в ту же минуту привела корабль в прежнее положение, укротила бурю и святой очутился сидящим при корме и призывающим к себе братию. Вода подносила их к кораблю как бы на руках. Преподобный же отец, вытаскивая

их по одному из воды, всех собрал живыми. Не находился один лишь Петр Кипрянин; не видя его, отец взволновался сердцем и громко воззвал:

– Чадо Петр! Где ты?

И вместе с восклицанием отца Петр поднимался из глубины и подносился водой к кораблю, где и был принят руками преподобного. Таким образом сам преподобный и братья его спасены были от потопления; и злобный враг не только не порадовался, но еще более был постыжен. Блаженный отец всюду посрамлял врага, одерживая над ним победу и прогоняя его. Он изгнал беса из инока Матфея, жестоко мучимого нечистым духом. По молитвам святого прогонялись также невидимые мучители и от прочих, подвергавшихся пагубным страданиям. Преподобный владел также и силой исцелений и, прислуживая больным, многим оказывал чудесную помощь своими руками. Он исцелил прокаженного брата; другого страдавшего язвою также сделал здоровым. Третьего, имевшего раковую язву, уварчевал, сотворивши рукою на язве троекратное знамение креста. Своею молитвою он отогнал саранчу, налетевшую на остров и пожиравшую всю без исключения зелень. Однажды, когда он с братией плыл на

корабле по морю, почувствовался недостаток в питьевой воде, так что братия изнемогали от жажды; святой Афанасий приказал почерпнуть морской воды и, благословивши ее, превратил в пресную, ею братия и утолили жажду. Один брат по имени Герасим, обрабатывая в винограднике одну крепкую и высокую лозу, пожелал, так как он владел большой телесной силой, вытащить ее руками из земли. Пошатнувши лозу руками два и три раза, он тем не менее не смог ее вытащить, себе же повредил ужасно. У него надорвался живот, вышли внутренности, и он сильно страдал от боли. По молитве же и знамении святым крестом со стороны преподобного отца получил уврачевание. Тот же самый Герасим, приводя во свидетели Бога, повествовал и о следующем чуде:

– Когда я, – говорил Герасим, – проходил послушание разрезывания хлебов, – у меня явилась надобность сходить к отцу и спросить о каком-то деле. Случилось, что тогда он находился один на молитве в храме святых Апостолов. Я пошел к храму и, посмотревши в окно, увидал, что преподобный отец молился, причем лицо его было как пламень огненный. Я ужаснулся и немного отступил. Обождавши, я снова посмотрел и заметил, что лицо его,

окруженное подобием огня, блестит как лицо ангела. От страха я крикнул и произнес:

– О, отче!

Он же, заметивши, что я испугался и понявши от чего, запретил мне кому-либо рассказывать о виденном.

О сем Герасим сообщил братии после преставления преподобного. Некий брат, будучи отправлен отцом на послушание в мирское селение, прельстился по искушению врага плотским грехом и совершил блуд. Сознавши затем тяжесть греха, он отчаивался в своих помыслах и, возвратившись в монастырь, припал к ногам святого со слезами и рыданием и исповедал ему свой грех и отчаяние. Преподобный, изучив его многими полезными наставлениями и убедив не отчаиваться в человеколюбии Божиим, приказал ему оставаться среди братии в своем первоначальном послушании. Между тем один из старцев, по имени Павел, узнавши о падении брата и соболезновательном милосердии отца, роптал и на первого и на второго: брата он укорял за то, что он осмелился совершить столь скверный поступок, нарушивши обет чистоты, а отцу говорил в лицо, что несправедливо прощать такого грешника, но ему необходимо понести многочисленные и тяжелые наказания. Тогда

кроткий отец, сурово посмотревши на ропщущего, сказал:

– Павел! смотри, что ты делаешь! За собой наблюдай, а не братии грехи рассматривай, ибо написано: **"кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (1Кор.10:12).

С того времени, по Божию попущению, невидимый искушитель стал уязвлять сердце Павла стрелами скверных помыслов и разжег огнем сладострастия плоть его, и Павел не имел покоя в течение трех дней и трех ночей, весь возгоревшись похотью плотского греха, так что даже стал отчаиваться в своем спасении. А что было хуже всего, так это то, что он стыдился даже открыть отцу свою борьбу. Зная духом об этом, преподобный, призвавши Павла к себе, наедине беседовал с ним о некоторых монастырских делах. Путем беседы он понемногу привлекал Павла к исповеданию плотской его страсти. Тогда Павел, упавши в ноги отцу, рассказал ему свою беду и просил у него облегчения. Преподобный преподав Павлу наставление не осуждать согрешающего брата, отослал его в послушание его. Он был келарем. Сам же, ставши на молитву, усердно со слезами помолился о нем Богу, и в тот же час Павел освободился от страсти. Он ощутил какой-то холод, излившийся на его голову и прошедший

по всему телу до самых ног, и от того погасло в нем похотливое раздражение плоти. Другой брат, по имени Марк, уроженец Лампсакии, жестоко обуревался такою же греховною плотскою похотью; придя к отцу, он исповедал пред ним свою страсть и испрашивал у него молитвенной помощи. По прошествии же нескольких дней, он увидел отца в сновидении, спрашивавшего его:

– Как ты чувствуешь себя, брат?

– Весьма жестоко страдаю, отче, – отвечал тот.

– Растянись ничком по земле, – сказал отец.

Когда же он распростерся по земле, отец наступил своею ногою на его лядвия. Он же поднявшись от давления ноги, почувствовал, что исцелен от страсти и с того часа имел спокойствие, не испытывая более плотского волнения. Изложивши вкратце сии немногие из многих чудеса преподобного отца нашего, совершенные им при жизни, станем повествовать о его преставлении.

Так как, – о чем уже упоминалось раньше, – к преподобному отовсюду собиралось множество братии, то, для помещения всего собора братии явилась нужда распространить церковь; поэтому к церковным стенам подстраивались паперти и приделы. Когда было не окончено строение одного придельного алтаря,

прилучилась необходимость самому отцу взойти туда и посмотреть на производившуюся работу, – раньше чем отправиться в предстоящий ему тогда путь в Константинополь; он собирался идти к императору по делам монастырским. Итак прежде всего призвавши братию, он предложил ей поучение блаженного Феодора Студита²⁹, присоединив полезные увещания и от своих благоглаголивых уст. Затем, затворившись в келлии, он молился в течение долгого времени. После сего он вышел из келлии одетый в мантию, имея на голове священный куколь (клобук) блаженного отца своего Михаила Малеина, который он имел обыкновение надевать на себя только лишь по большим праздникам и во время причащения Божественных Христовых Таин: и в этот день он точно совершал праздник и был светел лицом как ангел Божий. Захвативши за тем с собою шестерых братьев, он отправился с ними на работы. Когда они были уже на верху здания, то по неведомым судьбам Божиим провалился верх последнего и всех уронил вниз, засыпал землею и камнями. Пятеро немедленно предали Богу свои души, а отец и с ним один строитель, по имени Даниил, остались живыми между камнями. Все тогда слышали голос

преподобного отца, взывавшего в течение трех часов или даже больше:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне! Слава Тебе Боже!

Сбежавшая братия с рыданием и говором разрывали камень и землю какими случилось орудиями, а то руками и ногами. Они откопали отца уже скончавшимся о Господе, не поврежденного телом; только лишь правая нога его была поранена. Около же него откопали живым строителя Даниила, всего разбитого, и вынесли их оттуда. Такова была кончина преподобного отца нашего Афанасия, которая, быть может, кому-бilo покажется и бесчестной, ибо он скончался не на одре болезни, но **дорога в очах Господних смерть святых Его!**

(Пс.115:6) Для угодника Божия его кончина, о которой ему было не неизвестно, явилась виновницею мученического венца. Провидя оную духом, он предсказал ее за некоторое время своему ближайшему ученику Антонию:

– Прошу тебя, – говорил он, – совершить тот путь, который предстоит нам по монастырским надобностям в Константинополь. Мне, как то угодно Богу, более не увидеть царя земного.

После своей кончины³⁰ преподобный лежал не погребенным три дня, пока не собрались отцы из всех святогорских обителей и не устроили ему

почетных похорон. Честное тело его не изменилось, не отекло, не потемнело и лицо его было как бы лицо живого спящего человека; не ощущалось и обычного от мертвеца запаха. О нем у всех был большой плач. А когда совершали над ним похоронные песнопения, то из его раны, которая была на ноге, вопреки природе вытекала кровь. Кто когда замечал, чтобы из раны трехдневного мертвеца истекала кровь? Заметивши это, некоторые из почтенных старцев собирали сию кровь в полотенца и помазывались ею, как великою святынею на благословение. Так погребли честное тело преподобного отца. Телеса же пяти братьев, найденные между обрушившимися камнями, честно погребли раньше. Разбитый Дании оставался живым в течение нескольких дней и со вздохом поведал о видении, которое было ему в ночь пред кончиною преподобного:

– Я видел, – передавал Даниил, – будто, вот, от императора явился некий светлый посол, который звал к нему отца. И действительно отец, вышедши из лавры, с шестью братьями, – в числе которых находился и я, – последовал за послом. И вот, когда мы пришли к прекраснейшему царскому дворцу и приблизились к дверям, то преподобный отец с пятью братьями вошел в царскую палату, а я

оставлен был наружи и весьма плакал. Изнутри я услышал тогда кого-то, говорящего мне:

– Ты напрасно рыдаешь, человек, – ты не можешь войти внутрь, если тебе не позволит отец, с которым ты пришел.

Я же, услышавши это, начал сильнее рыдать и призывал отца умильным голосом. По прошествии немногого времени, отец, выйдя, взял меня за правую руку и ввел во дворец, и я сподобился видеть царя и поклонился ему.

С сими словами Даниил предал душу свою в руки Божии.

Вспомянем и еще о некоторых чудесах преподобного Афанасия, случившихся уже после его преставления. Вышеуказанному Антонию, постоянному ученику преподобного, привелось с некоторыми из братии по монастырским нуждам быть в Гагрской области. Путешествуя здесь, они к вечеру встретили стерегшего овец пастуха, который имел единственного сына, укушенного зверем и находившегося уже при смерти. Отец сильно рыдал о сыне. Увидавши проходящих мимо странствующих иноков, он упрашивал их завернуть к нему и, оказывая им гостеприимство, предложил им что имел в пищу – хлеб и молоко. Иноки удивились его добродетели, что он не оставлял страннолюбия даже и тогда, когда находился в такой печали, и

соболезновали ему в его горе. Серди иноков был один брат, по имени Симеон, который имел при себе полотенце, омоченное кровью преподобного отца. Этим полотенцем Симеон обвязал рану ребенка, и последний немедленно заснул крепким сном и проспал до утра. Там же заночевали и иноки. Поутру ребенок встал здоровый, исцеленный от раны, и попросил есть. Тогда все прославили Бога. В другой раз, когда один из братьев был опять послан на монастырское послушание, ему случилось войти в дом некоего христороубца, где лежала на одре болезни женщина, в течение долгого времени страдавшая кровотечением. Мужья все домашние скорбели о ней. Узнав о причине их скорби, инок сказал:

– Я имею на полотенце кровь святого Афанасия и если желаете, то омочим окровавленное полотенце в воде, выжмем его, а воду ту пусть выпьет больная, и она будет здорова.

Больная женщина, услышавши речи инока, стала слезно упрашивать его, дабы он поскорее исполнил свое предложение. Тогда инок, приготовивши такую воду с кровью святого, подал ей. Женщина, принявши воду, сказала:

– Святой Афанасий, помоги мне!

И выпила всю. Немедленно после сего остановилось у ней кровотечение, и она стала здоровой. Опять, в другой раз, как-то инок Симеон и инок Георгий отправлены были на корабле для некоторых монастырских послушаний. Они доплыли до Певкийской пристани, где нашли некоего корабельщика умирающим, уже не говорящего в течение восьми дней, оплаканного друзьями и отчаявшегося в своем выздоровлении – они возложили на него обогренное кровью святого полотенце. Больной корабельщик немедленно, как бы воспрянув от сна, встал здоровым. Совершались также различные чудеса и при гробе святого. А именно: изгонялись из людей нечистые духи, у приходящих с верою и помазывавшихся елеем из горящей при его гробе лампы исцелялись различные недуги. Припомним также и следующее, что случилось с добродетельным иноком Евстратием. У последнего каким-то образом повредились внутренности, так что естественная необходимая моча вытекала у него не в виде воды, но в виде крови. Этой болезнью он страдал в течение семи лет и несмотря на то, что прибегал ко многим врачам, последние были не в состоянии ему помочь. Отказавшись от врачей, он положился на Бога, молясь о

ходатайстве пред Ним преподобному отцу Афанасию. Как только он прибегнул к сему подающему исцеления врачу, то и получил от него исцеление следующим образом. – В сновидении ему казалось, будто он находится за трапезой и видит: на обычном игуменском месте сидел преподобный отец, а перед ним полная склянка воды и блюдо винограда.

Преподобный, взявши несколько виноградин, положил их в воду, которую давал Евстратию выпить. Евстратий же, предполагая, что это обыкновенное лечебное средство (от которого он отрекся), не пожелал принять. Тогда отец сказал ему:

– Не бойся, выпей, и тебе это будет во здравие.

Тогда Евстратий, принявши и выпив, пробудился от сновидения и с того часа почувствовал себя совершенно исцелевшим от сего недуга.

Но уже благовременно закончить теперь слово о жизни, подвигах и чудесах преподобного, изложено с сокращениями на основании книги, подробно повествующей о святом муже.

Да будет дивному во святых Своих Богу, проявившему Свою чудесную милость и силу на преподобном Афанасии, бесконечная слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Еже во плоти житию твоему удивишася
ангельстии чини, како с телом к невидимым
сплетением изшел еси, приснославне, и уязвил
еси демонския полки; отонудуже, Афанасие,
Христос тебе воздаде богатыми дарованьми:
сего ради, отче, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Яко невестественных существ зрителя изрядна,
и деятельна сказателя всеистинна, взывает тя
стадо твое богоглагольниче: не оскудей моля о
рабех твоих, избавитися напастей и
обхождений, вопиющим ти: радуйся, отче
Афанасие.

¹ Афанасий – в переводе с греческого значит "бессмертие".

² Находился в северо-восточной области Малой Азии Понте, на морском берегу, на запад от реки Гисса.

³ Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Хр. на европейской стороне Босфора; замечательная по своим удобствам бухта золотого рога и господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, обеспечивали за ней

важное торговое и промышленное значение. Император Константин Великий, оценив выгоды положения Византии, перенес сюда (в 330 г.) столицу Римской империи, благодаря чему Византия приобрела всемирно-историческое значение; она прервала связь с прошлым и стала называться Константинополем, Новым Римом.

⁴ См ниже, житие преп. Михаила Малеина, под 12 числом.

⁵ Афонская гора (Афон) по греч. Агион Орос – Святая гора, – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иночество здесь возникло в древнее время, хотя несколько позже чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви почти с самого появления на Руси христианства и по XVII век Афон имел большее значение: здесь постригся отец русского монашества, прп. Антоний; здесь в больших монастырских библиотеках получили наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (напр. прп. Нил Сорский +1508 г.). Здесь находились специальные переводчики и переписчики, снабжавшие отсюда православную Русь переводными рукописными произведениями церковно-назидательного характера. – Как одно из

наиболее чтимых святых мест православного востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского пола (женщинам вход в монастырь возбранен) из России, Балканского полуострова и азиатских владений Турции. Почти вся гора, за исключением глубоких ущелий и скал, покрыта богатой растительностью: здесь растут лимонные, апельсиновые и грушевые деревья попеременно с ореховыми, масличными и каштанами; целые поля усажены многоразличными породами винограда, расположено до двадцати богатых монастырей, несколько скитов и множество (сотни) отдельных келий, – греческих, русских, молдавских, болгарских и др.

⁶ Вероятно из Антиохии Писидийской, названной так от области Малой Азии Писидии, где находился этот город.

⁷ Колхида – страна, находившаяся к югу от Понта Евксинского (Черного моря) между Кавказом, Иберией и Арменией.

⁸ Роман II 957-963 гг.

⁹ Евнухами назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве хранителей сокровищ, царской казны и в особенности в качестве стражи при опочивальнях царя, цариц и царевен. ПО

большей части евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная.

¹⁰ Или Архипелаг.

¹¹ Память его 12 числа настоящего месяца.

¹² Никифор II Фока – император 963-969 гг.

¹³ Поприще – мера расстояния приблизительно в 690 сажень.

¹⁴ До времени императора Константина Великого наименование патриций усвоилось только лицам благородного происхождения, главным образом потомкам сенаторов; патриции в виду своего происхождения пользовались различного рода привилегиями в пользовании общественной землей и в частноправовых отношениях; император же Константин сделал патрициат личным достоинством, даруемым высшим чиновникам и не переходившим по наследству.

¹⁵ Солунь или Фессалоники – город Македонии.

¹⁶ Авва – отец.

¹⁷ Лавра – с греч часть города, переулок – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний

день недели, а в остальные дни сохраняли строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и потом в Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

¹⁸ Крит или Кандия – наибольший из греческих островов в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря.

¹⁹ Литра – мера веса, равняющаяся 72 золотникам.

²⁰ На греческом языке известно пространное жизнеописание св. Афанасия; пространно излагают его житие и великие Минеи-Четьи.

²¹ Роман II 957-963 гг.

²² Атталиа – город Памфилии, узкой береговой полосы малой Азии между Ликией и Киликией.

²³ Иоанн Цимисхий 969-976 гг.

²⁴ Т.е. этот инок действовал лицемерно. Ср. Быт.27:21-23.

²⁵ Ср. Быт.4:8.

²⁶ Калабрия – низменный полуостров, простиравшийся от Тарента до Япигского мыса. В средние века византийскими писателями название Калабрии было перенесено на

западный полуостров Нижней Италии, прежней Бруттии.

²⁷ Амалфия – приморский город у Салернского залива в итальянской провинции Салерно; основан вероятно в IV в. Константином Великим.

²⁸ Иберия – Испания.

²⁹ Прп. Феодор Студит еще в юных летах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь в начале под руководством своего дяди, прп. Платона (память его 5 апреля), защитника иконопочитания на VII вселенском соборе. Впоследствии прп. Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот под его управлением достиг небывалой высоты. Прп. Феодора дважды высылали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Мариєю и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении из ссылки в Студийский монастырь, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, прп. Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно

подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном св. Феодор был возвращен из заточения, но жил недолго, изнуренный заключением. Умер 67 лет в 826 году 11 ноября (когда и совершается его память). В минуту кончины святого Феодора прп. Иларион Далматский видел сонм ангелов, нисходящих с неба и слышал голос: "се душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горе и ее встречают небесные силы". – Св. Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное издание сочинений прп. Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала "Христианское чтение" в качестве приложения к этому журналу за 1907 и следующие годы.

³⁰ Последовавшей в 1000-1001 г.

